

ЕВГЕНИЯ КИСЕЛЕВА

Круги человечьи

ПАЛЬМИРА
РУГРАМ

Москва / Санкт-Петербург

2 0 2 6

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
К44

Киселева, Е.

К44 Круги челове́чьи : [роман] / Евгения Киселева. — М. ; СПб. : «Руграм» / «Пальмира», 2026. — 329 с. — (Серия «Пальмира — проза»).

ISBN 978-5-524-02211-0

Обречены ли люди повторять судьбы своих предков? Или же любой в силах разорвать круг и уйти от повторения? А если и так, то стоит ли к этому стремиться?

Юноша Пётр, охваченный идеей поиска собственного жизненного пути, покидает родительский дом. Вскоре он оказывается в лесу — загадочном новом мире, населённом очеловеченными животными, чьи образы впредь станут преследовать Петра повсюду.

Роман-метафора «Круги челове́чьи» увлечёт интеллектуального читателя, которому свойственно стремление к познанию и осмыслению окружающего мира, эстетическое восприятие и глубокое понимание художественных образов.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

© Киселева Е. Г., 2026
© Ким А. А., предисловие, 2026
© Оформление.
ООО «Руграм»,
ООО Группа компаний «РИПОЛ классик», 2026

ISBN 978-5-524-02211-0

ВСТУПЛЕНИЕ К «КРУГАМ ЧЕЛОВЕЧЬИМ» ЕВГЕНИИ КИСЕЛЕВОЙ

Явившись в литературе ещё в эпоху ржавого от крови сталинизма, я бы тут же и сдох на первых шагах, если бы не почувствовал в её глубинных слоях живительные потоки Велимира Хлебникова, Александра Беляева, Александра Грина, Андрея Платонова, Варлама Шаламова, Михаила Булгакова. Впоследствии другие потоки вырвались наверх и напитали собой целый пласт новой современной модерн- и постмодерн-литературы. Но в глубинах вербального художественного потока продолжают течь те самые живительные струи, которые не дают читающей душе сдохнуть от скуки или с досады на то, как самодовольная пошлость торжествует свою победу...

...А сейчас я буду говорить о необычной прозе Евгении Киселевой.

Существует символика имён и фамилий. Вот Евгения — это великолепная, благородная, креативная, прилежная к жизни, а Киселева, производное от «кисель» — молочные реки, кисельные берега, — это уверенное питательное благополучие материального бытия. Но диалектическая неуловимость этого духа, носящего такое имя, проявляется в неуловимости образа запущенной юлы, символизирующего человеческую судьбу, брошенную кем-то или чем-то на земной стол бытия. В «Кругах человеческих» главным героем является не *Пётр*, мальчик-юноша-муж-старик, а крутящаяся на пло-

скости бытия юла. Она женского рода, как и автор Евгения Киселева.

Символика во всем — и *дом*, и *лес*, и *дорога*, и *озеро*, и *звери*, и *город*, и *библиотека*, и *хранитель*, и *защитник*. Можно было бы определить сочинение как символическую *мениппову сатиру*, однако я предпочитаю ничего не определять и читателю советую то же самое. Просто спокойно читайте то, что перед вами, — «Круги человечьи» — и наслаждайтесь тем, что на сегодняшний день полярно противостоит тому пошлому, ничтожному, продажному и спекулятивному, за что сейчас дают высокие награды и увесистые премии.

Евгения Киселева по образованию и практике жизни медик, она ещё относительно молода, и это её первый роман. Совсем недавно случился её литературный дебют в журнале «Нижний Новгород» — были опубликованы два привлекательных рассказа, тоже в природе символического реализма.

В добрый путь, Женя!

Писатель Анатолий Ким

КРУГИ ЧЕЛОВЕЧЬИ

Роман

Пролог

ДЕДОВЫ СКАЗКИ

Юла — хорошая игрушка, правильная. Она намекает, готовит, подводит. Понятно, каждому своим умом предстоит смысл её предвестий постичь. И всё же славно, что хоть она детям путь рисует да направление указывает.

Так частенько говаривал дед. Женщины же лишь головами качали, слушая мудрствования старика о столь обыденном предмете.

Юла была деревянная, потускневших цветов, вроде когда-то именовавшихся зелёным и красным, с пятнами тёмного дерева на боках, там, где краска уже облупилась вовсе.

Женщины постарше часто обещали себе сберечь копеечку, отложить её в тайный ящичек, чтобы, когда в доме вновь появится ребёнок, непременно приобрести юлу новую, яркую. Они видели в том обещание, что детство следующих за ними будет иным, а значит и всё дальнейшее житие их украсится. Таким они находили выход из круга, существование коего отрицали.

Те же, что помладше, разглядывали юлу с тайной грустью, причины которой они знали ещё совсем недавно, но успели позабыть. А под потолком, не позволяя обнаружить себя до правильного времени, рука об руку парили предчувствие разлуки с собственным дитём, предвидение

длинного пути его, полного страхов и испытаний, и известная надежда на его возвращение.

Вечерами дед тихонько, тягуче, нараспев рассказывал маленькому Петру сказки. В них не было ни принцев, ни принцесс, ни злых волшебниц или колдунов. Но сказки были чудесные.

Кроме младенца, никому в доме и дела не было до дедовых сказок. Все слушали его голос, слышали слова, но смысл их ускользал от прочих, ибо находились они посередине пути своего, уже не в начале, а и до завершения им было далеко. Потому чувства кипели внутри сердец их, мысли варились в головах их, и уши были завёрнуты внутрь, чтобы ничто не отвлекало их от них самих.

Дед рассказывал о том, что видел сам, да ещё о том, что поведали ему люди на пути его. Но абы чьи слова он не передавал, а лишь самых достойных, кому верил душой.

Так по правде получается, были то и не сказки, отнюдь, а истории истинные, или даже чистые идеи. И он бередил ими новый мир, пока спелёнатый и всерьёз не принимаемый, и некому было ни одобрить его, ни воспрепятствовать ему.

А ребёнку много ли надо? Всё есть интерес для него.

Дед говорил: «Представь себе, я помню, как и дома это-го в помине не было, а было одно поле. Бескрайнее, оно зеленело, насколько глаз хватало. По утру новой весны оно больше салатovým отливало. Потом темнело. Взросло, как бы. А ещё позже мелким пёстрым цветом покрывалось. И это тоже было верно. Но домов тут не было тогда. Один крест неказистый кренился под ветром.

Кто его такой соорудил — мне неизвестно. А только правильно он поступил, что таким хлипким его выдумал. Когда мы все в здешних местах обретаться стали, то, как один, полагали, что крест не этой, так следующей грозой повалит. Или же по весне мы проснёмся, а его и нет уже. Но